

М. А. КУМАХОВ

ТЕОРИЯ МОНОВОКАЛИЗМА И ЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

В последнее время на страницах ряда зарубежных лингвистических изданий ведется оживленная дискуссия по вопросу о вокализме западнокавказских (абхазско-адыгских) языков¹. Повышенный интерес к вокализму языков Западного Кавказа неслучаен: материал данной группы языков используется для решения проблем общей фонологии, реконструкции фонологических моделей различных языков, их типологического обоснования, в том числе — и для верификации положения о моновокализме индоевропейского корня, тесно связанного с ларингальной теорией и до сих пор остающегося дискуссионным². В этих же целях материал западнокавказских языков привлекается в исследованиях по диахронической типологии фонологических систем неродственных языковых групп, в частности, сторонники теории группофонем в истории славянских языков для укрепления своей позиции также обращаются к материалу западнокавказских языков³.

Внимание к вокализму западнокавказских языков усиливается тем обстоятельством, что теория моновокализма находится в явном противоречии с некоторыми положениями как классической фонологии (в интерпретации Н. С. Трубецкого), так и одного из распространенных в современном языкознании направления — дихотомической фонологии. Дело в том, что сторонники моновокализма используют материал западнокавказских языков не только в целях постулирования моновокализма для истории развития фонологических систем языков различных типов, но и для опровержения провозглашенного Н. С. Трубецким⁴ и поддержанного основателями дихотомической фонологии положения о том, что противопоставление гласных и согласных фонем является одной из лингвистических универсалий. Поэтому естественно, что сторонники дихотомической фонологии также включились в дискуссию по проблемам вокализма современных западнокавказских языков⁵. Таким образом, дискуссия вышла за пределы западнокавказского языкознания, возбудив интерес специалистов по разным языковым группам и у представителей разных лингвистических направлений.

¹ См., например: W. S. Allen, On one-vowel systems, «Lingua», 13, 2, 1965; O. Szemerényi, The new look of Indo-European reconstruction and typology, «Phonetica», 17, 2, 1967; A. H. Kuipers, Unique types and typological universals, The Hague, 1968; M. Halle, Is Kabardian a vowelless language?, «Foundations of language», 6, 1, 1970.

² R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Proceedings of the VIIIth International congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 23; J. Kurylowicz, Probleme der indogermanischen Lautlehre. II, Innsbruck, 1962, стр. 112—114; O. Szemerényi, Structuralism and substratum, «Lingua», 13, 1, 1964; Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 146—147.

³ См.: В. Р. Журавлев, Группофонема как основная фонологическая единица, «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 82.

⁴ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, М., 1960, стр. 107.

⁵ См.: M. Halle, указ. соч.

В зарубежной лингвистической литературе спор о вокализме западнокавказских языков начался в связи с выступлением Р. Якобсона на VIII Международном конгрессе лингвистов, где он отметил: «Противоречия между реконструированным состоянием какого-либо языка и общими законами, которые устанавливает типология, делает реконструкцию сомнительной... Представление о протоиндоевропейском языке как языке, обладавшем лишь одним гласным, не находит подтверждения в засвидетельствованных языках Земного шара»⁶. На указанном конгрессе точка зрения Р. Якобсона была подвергнута критике У. Алленом, который защищал тезис о возможности существования моновокалической системы, ссылаясь при этом на современный абазинский язык⁷. Возражая У. Аллену в заключительном слове, Р. Якобсон заявил, что типологическая верификация повышает вероятность реконструированных фонологических и морфологических моделей, однако отнесение моновокалического статуса к протоиндоевропейскому противоречит нашему представлению о фонологическом строе языка⁸. В ходе дискуссии вокруг проблемы моновокализма У. Аллен, например, подробно остановился на теории моновокализма в полемической статье, направленной не только против традиционной реконструкции пятичленной системы вокализма в индоевропейском, но и отстаивающей положение об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в западнокавказских языках⁹. Однако прежде чем перейти к рассмотрению взглядов У. Аллена и других сторонников моновокализма, следует напомнить об истоках этой фонологической теории.

Как известно, традиционная пятичленная система индоевропейского вокализма была отвергнута в 1879 г. Ф. де Соссюром, заложившим основы теории моновокализма индоевропейского корня¹⁰. Идея Ф. де Соссюра получила дальнейшее развитие в многочисленных трудах сторонников ларингальной теории, заменивших сонантические коэффициенты Ф. де Соссюра ларингальными в связи с открытием клинописного хеттского языка в конце первой четверти XX в. Наиболее распространенный вариант теории моновокализма индоевропейского корня, представленный в работе Э. Бенвениста, основывается на ларингальной теории¹¹. Сущность теории моновокализма в понимании Э. Бенвениста заключается в том, что единственный гласный *e* в индоевропейском в различных комбинациях с ларингальными дает краткие и долгие гласные. Основываясь на положении Ф. де Соссюра о консонантном характере и.-е. *ə*, получившем признание и развитие у Мёллера, Педерсена, Куни, Куриловича и др., Бенвенист отмечает: «Мы полагаем, следовательно, известным и принятым, что *e*, *a*, *o* (не являющиеся аблаутным вариантом *e*) и $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$ отражают *e* с предшествующим или последующим *ə* в одной из его трех форм, а именно: $a_1 + e = e$; $a_2 + e = a$; $a_3 + e = o$; $e + a_1 = \bar{e}$; $e + a_2 = \bar{a}$; $e + a_3 = \bar{o}$. Эти три разновидности *ə* оставили след в хеттском языке»¹².

В отношении западнокавказских языков мнение о моновокализме впервые было высказано Н. Ф. Яковлевым в одном из его ранних фонетических

⁶ R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, стр. 23.

⁷ «Proceedings of the VIII International congress of linguists», стр. 28.

⁸ Там же, стр. 34.

⁹ W. Allen, *On one-vowel systems*, стр. 111—124.

¹⁰ F. de Saussure, *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*, Paris, 1879.

¹¹ См.: Э. Бенвенист, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955.

¹² Там же, стр. 179.

исследований по кабардинскому языку¹³. Хотя идея о моновокализме была предложена в качестве гипотезы применительно лишь к истории развития фонологической системы кабардинского языка, в последующий период мнение этого ученого нередко абсолютизируется и воспринимается как некая цельная теория, не нуждающаяся в лингвистических обоснованиях, и сторонники этой теории распространяют моновокализм не только на историю, но и на современное состояние кабардинского языка.

Между тем, высказывая предположение об историческом моновокализме кабардинского языка, Н. Ф. Яковлев не делал даже попытки обосновать свое мнение данными внутренней или сравнительной реконструкции. Судя по характеру постановки вопроса, ученый и не ставил этой задачи. Проводя моновокализм на историю развития фонологической системы кабардинского языка, Н. Ф. Яковлев полагал, что из трех гласных фонем /ə/, /e/, /a/ (орф. ы, э, а) последняя представляет собой комбинацию ларингального (в его терминологии — «гортанного спиранта») *h* и гласной /e/. Тем самым трехчленный вокализм возводился к двухчленному, поскольку сегмент *he*, отождествленный ученым с гласной /a/, включает одну из двух оставшихся гласных фонем. Затем двухчленный вокализм редуцируется путем элиминирования из системы «факультативной» гласной /ə/. При этом вся аргументация Н. Ф. Яковлева ограничивалась следующим: «Долгое *a* в кабардинском в части случаев также может восходить к *he*, получающему долготу в середине слова после согласной. Таким образом, в области гласных в кабардинском языке мы можем признать достоверно установленными лишь две краткие гласные фонемы /ə, e/, результатом слияния которых при участии гортанного спиранта (предположительно) генетически можно объяснить все остальные слоговые гласные элементы в языке. Далее, если принять во внимание, что краткий гласный *ə* факультативно является неслоговым и носителем слоговости в этих случаях бывает согласный одного с ним слога, а в исходном положении этот гласный систематически отпадает, то следует поставить вопрос, не имеем ли мы в кабардинском, по крайней мере, в известный период его развития пример языка с одной гласной фонемой»¹⁴. Других доводов, подтверждающих возможность существования моновокализма «в известный период развития» кабардинского языка, Н. Ф. Яковлев не приводит. Поэтому естественно, что предположение Н. Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардинского языка остается уязвимым, будучи не подтверждено материалом.

Прежде всего обращает на себя внимание произвольность операции, с помощью которой трехчленная система вокализма возводится сначала к двухчленной, а последняя в свою очередь — к одной гласной фонеме. Из трехчленной системы гласная /a/ исключается лишь на основании чисто умозрительного заключения, что эта фонема «в кабардинском в части случаев может восходить к *he*...». В двухчленной же системе вокализма один из членов — гласная /ə/ — исторически считается нерелевантной потому, что она «в исходном положении... систематически отпадает». Все построение не может рассматриваться как обоснованное и согласующееся с фактами адыгских и других западнокавказских языков. Характерно, что Н. Ф. Яковлев отождествляет гласную /a/, рассматриваемую им как комплекс фонем, с сегментом *he* в морфеме множественного числа, например: *тэг* «этот» — *тэ-he-г* «эти». Однако простое испытание на коммутацию единиц типа *јасар* «сидевший» — *јашег* «сидевшие» не дает оснований ин-

¹³ Н. Ф. Яковлев, Таблицы фонетики кабардинского языка, М., 1923, стр. 108—109.

¹⁴ Н. Ф. Яковлев, указ. соч., стр. 108—109.

терпретировать сегменты *a* и *he* как варианты одного инварианта. Во всех позициях, за исключением начальной, гласную /*a*/ не представляется возможным фонологически свести к сегменту *he* (об этом см. ниже). Что же касается диахронического аспекта (Н. Ф. Яковлев постулирует моновокализм «для известного периода развития кабардинского языка»), то в настоящее время можно считать установленным, что представленная во всех современных западнокавказских языках гласная /*a*/ относится к эпохе их общего состояния.

Столь же малоубедительно рассмотрение Н. Ф. Яковлевым гласной /*ə*/ как кабардинского новообразования. Основным аргументом в пользу такой квалификации гласной /*ə*/ служит отсутствие ее в абсолютном исходе глагольных основ типа *jetx* «он пишет», *jetx'* «он несет». В действительности же исторически первичными оказываются здесь основы с конечной /*ə*/, сохранившиеся в адыгейском языке. Ср. адыгейск. *jetxə* «он пишет», *jetx'ə* «он несет». Иначе говоря, не подлежит сомнению принадлежность гласной /*ə*/ общеадыгскому (адыгейскому и кабардино-черкесскому) состоянию. Более того, гласная /*ə*/, как и гласная /*a*/, прослеживается в истории всех западнокавказских языков, т. е. имеются серьезные основания рассматривать ее как общеадыгское явление. Тем самым мнение Н. Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардино-черкесского языка, хотя оно и взято на вооружение многими исследователями, следует признать необоснованным.

В отношении вокализма современных западнокавказских языков Н. Ф. Яковлев в разное время высказывался по-разному. В 1923 г. он отмечал, что «в области гласных в кабардинском языке мы можем признать достоверно установленными лишь две гласные фонемы *ə*, *e*»¹⁵. В 1928 г. Н. Ф. Яковлев писал: «Здесь (в кабардинском языке. — М. К.) имеется всего 6 гласных фонем: *e*, *ə*, *a*, *he*, *h*, *ha* (орф. *ы*, *а*, *Іэ*, *Іы*, *Іа*. — М. К.). Последние 3 фонемы физиологически разлагаются на „крепкий приступ“ *h* и соответствующую гласную фонему первой тройки»¹⁶. Как видим, к гласным фонемам причисляются не только /*a*/, но и группы фонем — ларингальный в сочетании с любым из гласных /*e*/, /*ə*/, /*a*/ . Там же делается заключение относительно абхазского и адыгейского языков: «Основных гласных в абхазском языке, также как и в кяхском (адыгейском. — М. К.), всего три: *ə*, *a*, *ā*, как это установлено мною, в противоположность академику Марру, который насчитывает их значительно больше»¹⁷. Однако спустя два года Н. Ф. Яковлев в адыгейском языке выделяет уже семь гласных фонем — краткие *ə*, *e* и долгие *a*, *je*, *i*, *o*, *u*¹⁸. Эти же семь гласных позже он включает в таблицу гласных фонем кабардинского языка, отказавшись от прежде высказанной точки зрения, согласно которой в число гласных фонем были включены сочетания фонем «ларингальный + *ə*», «ларингальный + *e*», «ларингальный + *a*»¹⁹. Как гласные фонемы Н. Ф. Яковлевым рассматриваются и дифтонгические образования *ja*, *je*, *aj*, *ej*, *aw*, *ew* и др., т. е. бифонемные сегменты, состоящие из консонантного и вокалического элементов.

Итак, крупный специалист по западнокавказским языкам, внесший свой вклад и в разработку вопросов общей фонологии, Н. Ф. Яковлев

¹⁵ Там же, стр. 198.

¹⁶ Н. Ф. Яковлев, Математическая формула построения алфавита, «Культура и письменность Востока», кн. I, М., 1928, стр. 55.

¹⁷ Там же, стр. 59.

¹⁸ Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф, Краткая грамматика адыгейского (кахского) языка, Краснодар, 1930, стр. 121—122.

¹⁹ Н. Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.—Л., 1948, стр. 336.

в то же время был непоследователен в решении вопроса о вокализме рассматриваемой группы языков. Особенно уязвимы его высказывания, касающиеся истории развития системы вокализма западнокавказских языков, хотя сторонники теории моновокализма опираются именно на его гипотезу об историческом моновокализме кабардинского языка.

После работ Н. Ф. Яковлева признаки моновокалической модели стали усматривать в других западнокавказских языках. Отмечая исключительную сложность консонантизма и простоту вокализма в абазинском языке А. Н. Генко высказал предположение о моновокализме этого языка, хотя его аргументация остается малоубедительной и допускает двоякую интерпретацию. По его мнению, «абазинский язык обладает всего-навсего двумя а если учесть некоторые особенности гласного *э* (орф. *ы*. — М. К.), позволяющие считать его факультативным гласным субституттом сонантической (слоγοобразующей) разновидности согласных, то быть может и однойгласной фонемой»²⁰. Важно заметить, что интерпретация гласного *э* как слоγοобразующей разновидности согласного в дальнейшем будет выдвинута в качестве одного из основных положений сторонников как теории моновокализма, так и вообще полного отрицания существования гласных фонем в западнокавказских языках. Характерно, что сомнение в наличии статуса фонемы у гласного *э* А. Н. Генко пытается подкрепить материалом абхазского и кабардинского языков. В этой связи он пишет: «В отличие от *а*, безусловно самостоятельного звука абазинского языка, *э* приходится считать стоящим на грани между самостоятельной фонемой и лишним самостоятельного смыслового значения звуковым оттенком. Дело в том, что в абазинском языке так же, как и в абхазском и в кабардинском, наблюдается та интереснейшая особенность, что сочетание в слоге казого-либо согласного с гласным *э* фонематически, т. е. с точки зрения реального или формально-грамматического смысла сочетания, тождественно одному данному согласному, и потому не встречается ни в одном примере (разрядка наша. — М. К.), когда бы такое сочетание согласного с гласным *э*, противопоставленное одному данному согласному, в каком-либо отношении влияло на изменение значения»²¹.

Трудно согласиться с мнением А. Н. Генко, что гласный *э* в отличие от гласного *а* не является самостоятельной фонемой в абазинском, поскольку оппозиции типа *k^oа* «дождь» — *k^oэ* «крыша», *q^oа* «зола» — *q^oэ* «шерсть», *с^oа* «снег» — *с^oэ* «вол» базируются на противопоставлении этих двух гласных. Нельзя считать убедительным также утверждение, что в языках этой группы снимается противопоставление согласного с гласным *э* одному согласному (*С + э — С*), ибо распространенными являются оппозитивные пары типа каб. *p^oэ's'en* «мерзнуть» — *p^os'en* «полоть», *pəžən* «отпилить» — *pžən* «связать». В этой связи вообще существенно подчеркнуть, что различие переходных и непереходных парадигм, играющих важнейшую роль не только в образовании всей глагольной парадигматики, но и в построении основных синтаксических конструкций предложений (например, номинативной и эргативной конструкций), во многих случаях основывается лишь на противопоставлении *С + э* и *С*. Ср., например, глагольные формы в кабардинском: *sək^oaš* «я ходил» — *sk^oaš* «я прошел (какое-то расстояние)», *džəaš* «мы бежали» — *džəš* «мы пробежали (какое-то расстояние)». Противопоставление *С + э* и *С*, точнее — аблаутное чередование гласного с нулем звука несет значительную функциональную нагрузку в глаголе. Морфонологическое чередование *э* с нулем звука менее характерно для имен существительных, хотя и в этом классе слов все же встре-

²⁰ А. Н. Генко, *Абазинский язык*, М., 1955, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 29.

чается. Выводы же А. Н. Генко об отсутствии смыслового противопоставления $C + \text{э}$ и C построены на материале имен существительных.

Мнение Н. Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардинского языка не встретило сочувствия со стороны советских исследователей данной группы языков, однако, привлекло внимание широкого круга специалистов по другим языковым группам в связи с возрастающим интересом лингвистов, в особенности зарубежных, к теории моновокализма. Отталкиваясь от гипотезы Н. Ф. Яковлева, попытку обосновать положение об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в кабардинском языке сделал голландский лингвист А. Куйперс²². Поскольку фонологическая концепция, развиваемая им на материале кабардинского языка, в последнее время стала предметом широкого обсуждения среди лингвистов, представляется необходимым более подробное критическое рассмотрение его основных положений.

Сразу же отметим, что в отличие от Н. Ф. Яковлева, допускавшего наличие лишь одной гласной фонемы в кабардинском языке «в известный период его развития», А. Куйперс приходит к выводу об отсутствии вообще гласных фонем в современном кабардинском языке²³. Вслед за Н. Ф. Яковлевым, он считает, что долгий гласный *a* представляет собой комбинацию ларингального *h* и краткого *e*. В противоположность Н. Ф. Яковлеву, отмечавшему позиционную обусловленность ларингального *h* в сочетании с гласным *e*, А. Куйперс утверждает, что долгий гласный *a* в любом окружении сводится к сочетанию ларингального *h* и краткого гласного *e*, последовательность которых меняется в зависимости от позиции: в начальной позиции *a* отождествляется с *he*, в ненаачальной — с *eh*²⁴. Ср. положения ларингалистов (идущее от Соссюра), в соответствии с которым индоевропейские долгие гласные сводятся к сочетанию краткого гласного *e* с ларингальными в различной последовательности. В доказательство членности *a* А. Куйперс приводит некоторые фонологические и морфонологические данные. По его мнению, гласный *a* как *he* в начальной позиции и как *eh* в ненаачальных позициях вполне вписывается в систему дифтонгических образований *je*, *ej*, *we*, *ew*, где *j*, *w* соотносительны с *h* в сегментах *he*, *eh*. Членность гласного *a* на *h + e*, *e + h* представляется ему оправданной также с акцентологической точки зрения: влияние гласного *a* на ударение «соответствует тому, что характерно для отрезка *VC*» (где символ *V* обозначает краткий гласный, т. е. либо *a*, либо *e*, *C* — любой согласный)²⁵. А. Куйперс, как и Н. Ф. Яковлев, гласный *a* (= *he*) усматривает в морфеме множественного числа *he*. Этим, собственно, заканчивается первая часть анализа системы вокализма, ставившая целью элиминировать гласный *a*.

Следующий этап анализа вокализма — это попытка обосновать тезис о нерелевантности гласного *a* на фонологическом уровне. Отмечая случаи чередования гласного *a* с нулем звука в различных фонетических условиях, автор пишет: «Если считать *e* (так у него графически обозначается *a*. — М. К.) отдельной фонемой, то это приведет к серьезным осложнениям при описании морфологии, потребует произвольного понимания границ морфем, не даст возможности четко отграничить фонологический уровень от морфологического, приведет к неточным правилам при учете простейших единиц языка»²⁶. Указанные трудности устраняются тем, что

²² А. Н. K u i p e r s, Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), 's-Gravenhage, 1960.

²³ Там же, стр. 104—106.

²⁴ Там же, стр. 38.

²⁵ Там же, стр. 35.

²⁶ Там же, стр. 49.

сочетания типа «согласный + гласный э» рассматриваются «как простые фонемы с невокалическими имплозивными вариантами»²⁷. При этом утверждается, что «краткие верхние гласные не различаются на уровне морфемы»²⁸, хотя не приводятся убедительные доводы для обоснования столь ответственного заявления. После того, как из системы фонем исключены гласные *a*, *э*, остается лишь единственный член вокализма — гласный *e*. А. Куйперс идет дальше сторонников моновокализма: он считает, что гласный *e* (обозначаемый им как *a*) также не является отдельной фонемой. В этой связи утверждается, что в словах типа *ʒe* «лошадь» — *ʒe* «молоко», *ʒa* «кровь» — *ʒe* «нога» «второй член каждой пары отличается от первого исключительно признаком открытости»²⁹. Иначе говоря, гласный *e* считается не отдельной фонемой, а признаком открытости согласного, т. е. такой же особенностью, как палатализация, лабиализация. «Открытость не встречается самостоятельно; она встречается только в соединении с признаком консонантности. В этом отношении она параллельна палатализации и лабиализации»³⁰. А. Куйперс приходит к выводу об отсутствии вообще гласных фонем в кабардинском языке. В итоге он заявляет: «Наиболее разительной особенностью фонологической системы кабардинского языка является отсутствие противопоставления согласного и гласного»³¹. По его мнению, материал кабардинского языка опровергает положение, выдвинутое Н. С. Трубецким и принятое основателями дихотомической фонологии, согласно которому противопоставление согласных и гласных относится к числу основных языковых универсалий. В то же время ученый указывает на типологическое сходство фонологической системы кабардинского языка с моделью, реконструированной Гензенистом для индоевропейского³².

Точку зрения А. Куйперса поддержал У. Аллен³³. Отмечая недостаточную обоснованность некоторых выводов голландского лингвиста, он подчеркивает, что «не может быть возражения против того, что /a/ (= открытость) становится сопутствующей особенностью согласного, как палатализация или лабиализация»³⁴. Полемизируя с О. Семереньи, выступившим в защиту традиционной теории пятичленной системы индоевропейского вокализма³⁵, У. Аллен признает типологическую релевантность западнокавказских языков (в его терминологии — языков северо-западного Кавказа) для фонологической системы индоевропейского³⁶. Впрочем, эту идею он выдвинул еще раньше на материале абазинского языка, опираясь на высказывания А. Н. Генко о признаках моновокалической модели в абазинском³⁷.

Что касается О. Семереньи, то он категорически отвергает попытку типологического обоснования теории моновокализма индоевропейского корня путем привлечения материала западнокавказских языков³⁸. На это У. Аллен справедливо замечает, что этноцентрическая позиция (*ethnocentric attitude*) отнюдь не способствует решению вопроса о типологии

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 50.

³⁰ Там же, стр. 51.

³¹ Там же, стр. 104.

³² Там же, стр. 104—105.

³³ W. S. Allen, On one-vowel system, стр. 114—123.

³⁴ Там же, стр. 123.

³⁵ O. Szemerényi, Structuralism and substratum.

³⁶ W. S. Allen, указ. соч., стр. 122.

³⁷ W. S. Allen, Structure and system in Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society», London, 1956.

³⁸ O. Szemerényi, The new look of Indo-European, стр. 79—81.

вокализма в индоевропейском. У. Аллен принимает положение А. Куйперса об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в кабардинском языке. Позиция ученого в вопросе о вокализме абазинского языка не отличается устойчивостью. Если в работе 1956 г. У. Аллен, вслед за А. Н. Генко, говорил о моновокализме абазинского языка, проявляющемся в определенных позициях³⁹, то в работе 1965 г. он вслед за А. Куйперсом отрицает противопоставление гласных и согласных в кабардинском языке, а также в категорической форме утверждает, что «моновокалическая система ясно устанавливается для абазинского языка»⁴⁰.

Нужно признать, что теория А. Куйперса выглядит весьма элегантно и заманчиво. Однако построение голландского лингвиста, принятое не только У. Алленом, но и некоторым советскими учеными, вызывает серьезные возражения. Нетрудно заметить, что начальная процедура анализа материала и исходные позиции у Н. Ф. Яковлева и А. Куйперса оказываются общими: трехчленная система вокализма сводится к двучленной путем расчленения гласного *a* на два сегмента — ларингальный и краткий гласный *e*. Что касается выводов А. Куйперса, то они наталкиваются на ряд существенных затруднений.

Прежде всего, представляется малоубедительным рассмотрение гласного *a* как сочетания *eh* в начальной позиции. Звуковой сегмент, орфографически обозначаемый графемой *a*, в начальной позиции представляет собой сочетание краткого гласного *e* с протетическим ларингальным *h*, несущим чисто фонетическую функцию. Вообще в адыгских языках (кабардинском и адыгейском) ларингальная протеза является спецификой фонетического строения слога: гласные в начальной позиции характеризуются ларингальным приступом. Так, в адыгейском языке начальный гласный *a* реализуется с ларингальной протезой, т. е. как сочетание *ah*, образуя параллель с *eh* в начальной позиции. Ср. *her* «он», *həpə* «его глаз», но *səpə* «мой глаз». На невозможность чисто вокалического начального слова указывает также иноязычная лексика. Ср., например, субституцию иноязычных гласных *a*, *i*, *o*, *u* сочетаниями с ларингальной смычной протезой *he*, *ha*, *hi*, *ho*, *hu*. Характерно, что старая орфография отражала специфику фонетического строения начального слога иноязычной лексики, т. е. фонетическая адаптация начальных долгих гласных иноязычного происхождения была подтверждена специальным графическим знаком. Таким был, например, принцип передачи иноязычных долгих гласных *a*, *i*, *o*, *u* в начальной позиции в 20 и 30-е годы в адыгских литературных языках: каб. *heprejl* «апрель», *hoktjabr* «октябрь», *hustav* «устав», адыгейск. *hijul* «июль», *hijun* «июнь», *Hispanije* «Испания», *Habrām* «Абрам». Современные орфографические нормы не фиксируют произношение начального слога слов разбираемого типа, хотя ларингальная протеза прочно сохраняется в этом слое лексики⁴¹.

В то время как наличие начального консонантного элемента в словах типа *her* (орф. *ar*) «он», *hene* (орф. *ane*) «мать» не вызывает сомнений, материал не только кабардинского, но и других западнокавказских языков вряд ли дает основания трактовать *a* как *eh* в начальной позиции. Мало удовлетворяет объяснение, исходящее из того, что гласный *a* обнаруживает структурное тождество с дифтонгическими образованиями, т. е. с

³⁹ W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, стр. 172.

⁴⁰ W. S. Allen, On one-vowel systems, стр. 119.

⁴¹ Заметим, что ларингальное начало — довольно распространенное явление в языках различных типов (Э. А. Макаев, указ. соч., стр. 149—150). В этой связи заметим, что особенности строения начального слога в языках различных типов с типологической точки зрения могут поколебать и без того спорное объяснение начального /h/ в армянском как рефлекса индоевропейского ларингального. Ср., например, адыгейск. *hən* (* < an) «мать», арм. *han* «бабушка».

сегментами *je*, *ej*, *we*, *ew*. То, что в словах *mej* «яблоня», *fəw* «мед» конечными являются сонанты *j*, *w*, очевидно. Нельзя, однако, этого сказать о словах *da* «спитый», *ža* «бежавший», *tza* «писавший». Последние, по Куйперсу, включают сегмент *eh*: *deh* «спитый», *žeh* «бежавший», *tʃeh* «писавший». По его утверждению, формы мн. числа этих причастий должны включать еще сегмент *he*: *dehher «спитые», *žehher «бежавшие», *tʃehher «писавшие», что опровергается данными экспериментального анализа. Заметим, что фонологически вполне возможны сочетания типа *ewwe*, *ejje*. Ср. *fewwe* «мед» (обстоятельств. падеж), *mejjeħ* «он несет яблоню». Если даже предположить, что сочетание *ehhe*, в отличие от сочетаний *ewwe*, *ejje*, дает *ehe* (в этом случае пришлось бы признать особую специфику отрезков *he*, *eh*), то и тогда формы *deher* «шьющие», *žehher* «бегущие», *tʃehher* «пишущие» не согласуются с пониманием *a* как сегмента *eh* в ненадлежащей позиции.

Еще менее удовлетворяет трактовка *a* как *eh* в положении между согласными. Экспериментальный анализ не подтверждает наличия *eh* вместо *a* в этой позиции, т. е. в словах типа *maze* «луна», *ʒade* «огород», *žane* «рубашка», *s'abe* «мягкий», *pase* «ранний». Отметим, что интерпретация *a* как *eh* в ненадлежащей позиции не только не подтверждается данными экспериментального анализа, но не имеет реальных оснований с точки зрения соотношений между элементами фонологической системы кабардинского языка. Расчленяя гласный *a* в ненадлежащей позиции на гласный *e* и согласный *h*(*eh*), А. Куйперс не учитывает существенного обстоятельства, связанного с синтагматическими отношениями фонем и их вариантов в исследуемом им языке. В кабардинском в ненадлежащей позиции встречается согласный *h*, причем последний по своему происхождению не связан с долгим гласным, а представляет собой свободный альтернативный заднеязычного *ʒ*, входящего в состав морфемы мн. числа. Ср. *wəne* «дом» — *wənehher* «дома́», *məħ* «этот» — *məher* «эти». Именно с ларингальным *h* в морфеме мн. числа А. Куйперс отождествляет ларингальный *h* в сегментах *he*, *eh* (= *a*). По своей физической характеристике ларингальный *h* в сегменте *he* (т. е. в начальной позиции) не отличается от *h* в морфеме мн. числа. Ср. *heherəj* (орф. *axəru*) «они» (в союзной форме), где начальный сегмент *he* представляет собой корневую морфему, передаваемую орфографически с помощью *a*, сегмент *he* в медиальной позиции — аффиксальную морфему мн. числа.

Согласно А. Куйперсу, сегмент *a* в словах *da* «спитый», *maze* «луна» заменяется сегментом *eh*: *deh* «спитый», *mehze* «луна». Однако остается необъясненным, почему при этом ларингальный *h* как часть сегмента *eh* занимает необычное синтагматическое положение: выделенный автором сегмент *eh* никогда не встречается в положении перед гласными. Однако в действительности синтагматически вполне возможно сочетание *ehe*. Из приведенных примеров *wənehher* «дома́», *məher* «эти», видно, что кабардинский ларингальный *h* реализуется именно перед гласным; более того, каб. *h* возможен только в положении перед гласным, обнаруживая в этом отношении сходство с англ. *h*. Факт этот свидетельствует о том, что интерпретация гласного *a* как сегмента *eh* в ненадлежащей позиции не подтверждается с точки зрения синтагматики каб. *h*. Что касается сравнения начального *he* с *je*, *we*, то оно фонологически не оправдано: начальные *je*, *we* бифонемны, чего нельзя сказать о сочетании *he* в этой позиции.

Касаясь акцентологических особенностей кабардинского языка, следует отметить, что сохранение ударения на *a* в том случае, «если префиксы прибавляются к моносиллабическому слогу с конечным *ā*»⁴², не может

⁴² А. Н. Куйперс, Phoneme and morpheme in Kabardian..., стр. 35.

также служить надежным основанием для отождествления *a* с сегментом *eh*. Вообще высказывания голландского лингвиста, касающиеся ударения в слове, нельзя считать бесспорными: число примеров, иллюстрирующих иной акцентологический рисунок слова в современном кабардинском языке, гораздо больше, чем он это предполагает.

Нельзя согласиться также с мнением о том, что любой консонантный элемент в сочетании с гласным является реализацией одной фонемы. Попытки элиминировать /ə/ вообще не согласуются с фактами западнокавказских языков. Дело в том, что гласная /ə/ противопоставляется нулю не только в ударном положении, но и в безударном. Причем противопоставление безударной /ə/ нулю становится фонологически релевантным для большого числа значимых единиц, относящихся к разным классам слов. Как отмечалось выше, в адыгских (адыгейском и кабардинском) языках переходные и непереходные парадигмы, имеющие важнейшую функциональную значимость в языках эргативного строя, различаются путем противопоставления гласных (в том числе безударных /ə/, /e/) нулю, из-за чего теоретически невозможно принять положение, согласно которому гласные не различаются на уровне морфем⁴³. Степень различительной силы чередования *a* с нулем особенно возрастает в связи с действием морфологических факторов, на что справедливо указывал Г. Фогт применительно к убыхскому языку⁴⁴. Что же касается предлагаемой А. Куйперсом упрощенной записи безударных кратких гласных, то она не учитывает всех морфологических факторов, обусловленных различительной функцией гласных, в том числе безударной /ə/.

Не ближе к истине и объяснение гласной /e/ как признака открытости согласной фонемы. В соответствии с разбираемой теорией сегменты *p'*, *p'ə*, *p'e* в кабардинских словах *p's'en* «полоть», *p'əs'en* «мерзнуть», *p'es'eh* «спешить» являются вариантами одного инварианта, т. е. реализациями одной фонемы, хотя различие этих слов зиждется лишь на различии указанных сегментов. Следует согласиться с М. Халле, не без основания отметившим, что таким же путем, т. е. рассматривая гласную как признак открытости согласной, «может быть без особого труда доказано, что все языки лишены вокализма, поскольку мы можем также определить каждый гласный как „признак X“, где X может означать открытость (openness), заднее образование (backness), огубление (roundness) и т. д.»⁴⁵.

Наконец, рассматривая фонологическую концепцию А. Куйперса, получившую поддержку среди части лингвистов, представляется необходимым отметить, что его исследование построено на материале двух информантов, проживающих за пределами СССР⁴⁶, а лингвистическая литература о западнокавказских языках учтена далеко не полностью. Вместе с тем, А. Куйперс, если отвлечься от его теоретических выводов, делает целый ряд тонких и интересных наблюдений над фонологической системой описываемого им языка. Это касается, в частности, дистрибуции отдельных фонем, уточнения позиций их нейтрализации, комбинаторных вариантов и т. д.

Из вышеизложенного видно, что под моновокализмом западнокавказских языков, в сущности, понимаются разные явления. Одни авторы (Н. Ф. Яковлев, А. Н. Генко и др.) признают возможность существования монофонемного вокализма, у других же (А. Куйперс, У. Аллен и др.) речь идет об отсутствии вообще вокализма на фонологическом уровне. Однако ни теория монофонемного вокализма, ни теория отсутствия проти-

⁴³ Там же, стр. 49.

⁴⁴ H. V o g t, Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo, 1963, стр. 30—31.

⁴⁵ M. H a l l e, Is Kabardian a vowelless language?, стр. 103.

⁴⁶ A. H. K u i p e r s, Phoneme and morpheme in Kabardian..., стр. 12.

вопоставления согласных и гласных фонем не подтверждаются материалом современных западнокавказских языков.

Западнокавказские языки в их современном состоянии различаются по своему вокализму. Двучленная система вокализма представлена в абхазском и абазинском, трехчленная система — в адыгейском и кабардинском⁴⁷. Для убыхского языка первичность двучленного вокализма также очевидна, хотя в этом языке обнаруживаются некоторые признаки разрушения первоначальной системы вокализма /а/ — /э/. Данные сравнительной и внутренней реконструкции свидетельствуют о древности двучленной системы вокализма. Можно с уверенностью предположить, что двучленная система вокализма восходит к общезападнокавказскому состоянию. Гласные /а/ и /э/, составляющие двучленную систему вокализма, представлены в древнейшем лексическом фонде, восходящем к праязыковой эпохе. Ср., например: абх., убых. *с^оа*, абаз. *с^оа* «кожа», абх., абаз. *г^оэ*, убых. *г^оэ* «сердце». В языках двучленного вокализма гласные /а/, /э/ различаются в дистрибутивном плане: гласная /э/ возможна лишь в начальной позиции. Исключение составляет убыхский язык, где гласная /э/ выступает в начальной позиции в качестве префиксального морфа глагола (ср. *эзвэжан* «я его вижу»).

Трехчленная система адыгского вокализма — новообразование. В трехчленную систему вокализма входят гласные /а/, /э/, /е/. Хотя не во всех западнокавказских языках гласные как /а/, так и /э/, являются фонетически тождественными, они (как правильно отметил еще Н. С. Трубецкой) отличаются друг от друга разной степенью открытости⁴⁸. Открытая гласная /а/ противопоставляется закрытой, или минимально открытой, гласной /э/. Гласная /е/, т. е. третий член вокализма адыгских языков, по степени открытости образует среднее звено между открытой /а/ и минимально открытой /э/. Иными словами, признак средней открытости, являющийся фонологически несущественным в языках двучленной системы вокализма, оказывается релевантным в языках с трехчленной системой вокализма. В адыгских языках в начальной позиции гласные реализуются в сочетании с ларингальным *h*. Таковы, например, адыгейск., каб. *her* (орф. *ар*) «он», адыгейск. *hes^ое*, каб. *heje* «кольчуга», адыгейск. *həp* «его глаз», *hatxəy* «он написал». В кабардинском языке в начальной позиции невозможен сегмент *ha*, в адыгейском последний встречается как вариант *he*; например, *həpe*, *hepe* «сначала». Сегменты *he*, *ha* в постконсонантной позиции изменяются в *e*, *a* (например, каб. *hepe* «мать», *sjanə* «моя мать», *sjenešx^оe* «моя бабушка»). Иными словами, сегменты *he*, *ha*, *e*, *a* могут быть вариантами одного инварианта. Адыгский начальный сегмент *ke(ha)* в других западнокавказских языках соответствует гласной *a* (ср. адыгское указательное местоимение *her* «он» и генетически тождественный ему артикль *a* — в абхазском, абазинском и убыхском). В таких же фонетических соотношениях находятся и слова иноязычного происхождения, в том числе и поздние заимствования, ср., например, адыгейск., каб. *hes^лen*, абаз. *aslan*, убых. *aslan* «лев».

Анализ материала показывает, что с точки зрения вокализма адыгский ареал во многом оказался зоной инновации. Адыгские /а/, /э/, /е/ по происхождению могут быть отнесены к разным хронологическим периодам. Есть основания предположить, что в закрытом слоге типа адыгейск. *tafe*, каб. *taš^оe* «день» гласная /а/ относится к западнокавказскому язы-

⁴⁷ См.: Г. В. Рогова, Абхазско-адыгские языки. Введение, «Языки народов СССР», IV, М., 1967, стр. 95.

⁴⁸ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 108—109.

ковому единству (ср. абх. *amš* < *amaša «день»⁴⁹). Что касается конечной позиции, то гласная /а/ в адыгских языках характеризуется ограниченной дистрибуцией. В кабардинском /а/ в конечной позиции встречается только в причастиях типа *da* «спитый», *tša* «написанный», восходящих к старым формам типа *daye* «спитый», *tšayе* «написанный». В адыгейском языке в абсолютном исходе гласная /а/ возможна в словах типа *žeta* «кто», *sada* «что», в которых вопросительная частица является региональной инновацией для адыгских языков. Иными словами, сегмент а в абсолютном исходе выполняет морфологическую функцию на адыгской языковой почве. В середине слова а нередко оказывается результатом фонетических изменений гласных /е/, /э/. Например: каб. *par'e* «веко» (< *pe* «глаз», *p'e* «место»), адыгейск. *pš'aγ'e* «туман» (< *pš'e* «туча», *γ'e* «желтый»), *žetax'e* «пастух» (< *šeta* «корова», *x'e* «пасти»). Этимологически подобные образования очень прозрачны. Гласная /э/, хотя и обнаруживает неустойчивость в безударном положении, удерживается в лексических единицах типа адыгейск., каб., абх., абаз. *g'ə*, убых. *g'a* «сердце», адыгейск., каб. *z'a*, абх., абаз. *ž'a*, убых. *z'a* «старый», адыгейск., абх., убых. *c'a*, каб. *va*, абаз. *c'a* «вол». Характерной чертой подобных слов, содержащих /э/, является их принадлежность к древнему фонду общезападнокавказских языков, что дает основания отнести /э/ к их праязыковому состоянию. Возможность позднего (вторичного) происхождения /э/ в рассматриваемом слое лексики всех западнокавказских языков представляется маловероятной.

В то же время в адыгских языках /э/, как и /а/, относится к разным хронологическим периодам. Западнокавказская /а/ в адыгских языках часто дает /э/; случаи соответствия адыгской /э/ абхазской, абазинской и убыхской /а/ нередки (что, впрочем, не исключает обратного направления — развития абхазской, абазинской, убыхской /а/ из /э/); ср. адыгейск., каб. *l'a*, убых. *l'a*, абх., абаз. *š'a* «кровь», адыгейск., каб. *rx'a*, абх., абаз. *pha*, убых. *rx'a* «дочь». К эпохе общеадыгского языкового единства относится продуктивное морфонологическое чередование *e/a*. Ср. *k'ep* «идти» — *k'əp* «пройти», адыгейск. *šep*, каб. *žep* «бежать» — адыгейск. *šəp*, каб. *žəp* «пробежать». К позднейшей эпохе индивидуального развития отдельных адыгских языков, точнее — к периоду после дифференциации общеадыгского языка, следует отнести /э/ в словах типа каб. *pahe* < адыгейск. *pahe* «шапка».

Что касается гласной /е/ в адыгских языках, т. е. региональной инновации вокализма западнокавказских языков, то по своему происхождению она также гетерогенна. Развитие /е/ из исконной /а/ как будто бы не вызывает сомнений в таких соположениях, как абх., абаз., *za*, адыгейск., каб. *ze* «я»; абх., абаз. *wa*, адыгейск., каб. *we* «ты»; абх., абаз. *š'a*, адыгейск. *s'e* «вы». Гласная /е/ возводится к общеадыгской /э/ в сложных словах типа адыгейск. *g'əš'ep*, каб. *g'əf'ep* «радоваться» (ср. *g'ə* «сердце», *š'a*, *f'a* «хороший»). Гласная /е/ нередко возникает из /э/ в результате чередования, широко используемого в словообразовательных целях; ср. адыгейск., каб. *zə* «один» > *ze* «однажды», адыгейск., каб. *bla* «семь» > *ble* «семь раз».

Изложенная точка зрения на вокализм западнокавказских языков не является общепринятой среди всех советских специалистов по данной группе языков. Многие авторы выделяют гораздо большее количество самостоятельных гласных фонем в рассматриваемых языках. Развиваемая в

⁴⁹ О первичности полногласия в абхазском и абазинском языках см.: К. В. Ломта и д з е, Абхазский язык, «Языки народов СССР», IV, стр. 105; е е ж е; Абазинский язык, там же, стр. 127.

поздних исследованиях Н. Ф. Яковлева точка зрения, согласно которой в адыгских языках различаются семь гласных фонем — краткие /e/, /ə/, долгие /a/, /i/, /u/, /o/, /je/, находит поддержку среди исследователей⁵⁰. В абхазском кроме /a/, /ə/ выделяют на правах самостоятельных фонем гласные /i/, /o/, /u/, /je/⁵¹. Однако анализ материала показывает, что сегменты, обозначаемые на письме графемами *u*, *o*, *y*, *e*, в одних случаях выступают как бифонемные отрезки, в других — как варианты простых фонем или бифонемных дифтонгов. Ср., например, каб. *jasən* (орфографически: *исын*) «сидеть внутри», *jesən* (орфографически: *есын*) «плавать». Начальные сегменты, орфографически обозначаемые графемами *u*, *e*, являются бифонемными; в каб. *bəj* = *bij* (орфографически: *бий* = *бий*) «враг» сегмент *i* (орфографически *u*) представляет собой вариант фонемы /ə/. Возможность чередования дифтонгических образований с исконными гласными фонемами свидетельствует о некоторых признаках начинающегося процесса разрушения как двучленного, так и трехчленного вокализма в западнокавказских языках. Этот процесс является спонтанным, в известной степени стимулируясь (особенно за последние 50 лет) действием фактора языкового контактирования (огромный пласт заимствованной лексики, включающей иноязычные вокалические элементы). Вместе с тем в исконном материале так называемые долгие гласные *i*, *u*, *o*, *je* имеют только фонетический статус.

Здесь не представляется возможным сформулировать все правила и условия реализации гласных фонем в западнокавказских языках. Заметим, однако, что в этих языках гласные характеризуются неустойчивостью в безударной позиции, что и послужило поводом для отнесения их к моновокалическому типу. Своей неустойчивостью в безударной позиции особенно выделяется /ə/, поведение которой различно в разных языках. В адыгейском, кабардинском и убыхском языках сегмент *ə* в безударной позиции фонологически может быть как релевантным, так и нерелевантным. В каб. *p's'ep* «мерзнуть», убых. *abalán* «они спустились»⁵² сегмент *ə* в безударной позиции фонологически релевантен (ср. каб. *p's'ep* «полоть», убых. *ablan* «глаз»). В случаях же с каб. *q'ərəjtas'* «он отдал ему», убых. *q'arəc'a* «мешок» сегмент *ə* в безударной позиции находится в свободной альтернативе с нулем, т. е. лишен дистриктивного значения (ср. каб. *q'ərəjtas'* «он отдал ему», убых. *q'arəc'a* «мешок»). Иначе обстоит дело в абхазском и абазинском языках, где сегмент *ə*, как правило, приобретает статус фонемы только в ударной позиции. Безударная позиция нерелевантна для *ə* в фонологическом отношении. Иными словами, абхазско-абазинский безударный слог, в сущности, является моновокалическим. В этой связи К. В. Ломтатидзе указывает на то, что в абхазском (как и в абазинском) «гласный *ы* (таково орфографическое обозначение *ə*. — М. К.) обычно является ударным; безударный *ы* характеризуются определенной факультативностью (то удерживается, то выпадает или „перемещается“ в зависимости от скопления согласных и места ударения, например, *абз*, *бзы*, *быз*, „язык“ и т. д.)»⁵³.

Собственно говоря, утверждения А. Н. Генко, вслед за ним У. Аллена и других о моновокализме абазинского языка оправданы лишь в отношении безударного вокализма. Однако моновокализм безударного слога и моновокализм языка — отнюдь не однозначные явления. Случаи свобод-

⁵⁰ «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка», М., 1970, стр. 28; Б. Х. Балкаров, Фонетика адыгских языков, Нальчик, 1970, стр. 96—97.

⁵¹ «Грамматика абхазского языка», Сухуми, 1968, стр. 13.

⁵² Убыхские примеры взяты из словаря: Н. Vogt, указ. соч., стр. 31—32.

⁵³ К. В. Ломтатидзе, Абхазский язык, стр. 103. То же самое отмечается в отношении абазинского; см.: е е же, Абазинский язык, стр. 125.

ного чередования /ə/ с нулем еще не доказывают отсутствия этой гласной в системе языка. Ударный вокализм абхазского и абазинского языков является двучленным не только в их современном состоянии, но и в истории развития этих языков.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что основные положения теории моновокализма не согласуются с данными истории развития западнокавказских языков и их современного состояния. Анализ материала показывает наличие двучленного вокализма для одного ареала западнокавказских языков и трехчленного вокализма — для другого. Есть достаточные основания считать, что один из ареалов — языки двучленного вокализма — в основных чертах вокалической системы продолжает общезападнокавказское языковое состояние.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что данные западнокавказских языков не могут служить фактором, ослабляющим положение современной теоретической фонологии о противопоставлении гласных и согласных фонем. В то же время материал этих языков способствует укреплению позиции сторонников традиционной теории индоевропейского вокализма, поскольку значительно сокращается (если не сказать — сводится к нулю) число современных языков, относимых сторонниками разбираемой теории к моновокалическому типу. Западнокавказские языки, хотя и чаще всего используются сторонниками теории моновокализма, не могут служить для типологической верификации моновокалической системы индоевропейского или другого реконструированного языкового состояния.